

А. И. ШТРАХОВ

О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КОНСЕРВАТИВНО-КЛЕРИКАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИСПАНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ НА ЛА-ПЛАТЕ

Вопрос о характере институтов и отношений, насаждавшихся испанскими завоевателями в Америке, продолжает вызывать споры среди ученых. Он привлекает внимание как буржуазных историков различных направлений, так и историков-марксистов. Актуальность этого вопроса подтвердило и его обсуждение на второй Конференции европейских американистов, состоявшейся в сентябре 1970 г. в Севилье ¹.

В настоящей статье проблема рассматривается применительно к вице-королевству Рио-де-Ла-Плата. В связи с этим важно проследить, как оценивали аргентинские историки испанское завоевание Америки и перенесенные Испанией на Ла-Плату экономические и политические институты. Два главных направления современной аргентинской буржуазной историографии представляют традиционалистская (или классическая) школа и школа исторического ревизионизма. Первая из них, возглавлявшаяся в течение длительного времени президентом аргентинской Национальной академии истории Рикардо Левене (скончался в 1959 г.), считает себя наследницей и продолжательницей либерально-позитивистской школы, созданной в XIX в. Б. Митре и В. Ф. Лопесом, которые осуждали колониальное иго Испании в Америке, клеймили религиозный фанатизм и феодальные замашки реакционных помещичье-клерикальных и военных деятелей.

Консервативно-клерикальная школа исторического ревизионизма стремится пересмотреть положительные оценки, данные прогрессивной и либеральной историографией выдающимся личностям и важнейшим событиям в истории Аргентины. Энрике Гандиа, претендующий на главенство в школе исторического ревизионизма, основной ее идеей считает национализм, понимаемый как «долг следовать судьбе», которую предопределили «прошлое, наша история, идеал, сделавший из нас то, чем мы ныне являемся» ². Ф. Ибаргурен видит главную задачу историков-«ревизионистов» в «восстановлении и новой интерпретации родной традиции отечества» ³, якобы искаженной аргентинской либеральной историографией XIX в.

При всех различиях общим для «традиционалистов» и «ревизионистов» является хвалебная оценка испанского колониального господства на Ла-Плате. Если видный «ревизионист» Э. Паласио объявляет действия завоевателей на Ла-Плате «великолепным подвигом» и заявляет, что иезуитские миссии наложили на развитие колонии «отпечаток цивилизаторского и организаторского духа» ⁴, то представители «традиционалистов» непомерно раздувают значение испанского законодательства в колониях. В этом

¹ Автором был представлен на конференции доклад «Перенесение испанских институтов на Ла-Плату в XVI—XVII веках».

² E. de G a n d i a. La revisión de la historia argentina. Buenos Aires, 1956, p. 25.

³ F. I b a r g u r e n. Así fué Mayo. Buenos Aires, 1956, p. 91.

⁴ E. P a l a c i o. Historia de la Argentina, 1515—1957, t. I. Buenos Aires, 1957, p. 63, 71.

отношении особенно выделяются работы Р. Левене⁵, основной тезис которого выражен в заглавии его книги «Индии не были колониями»⁶. Левене обосновывает этот тезис тем, что в 6377 законах испанской короны, вошедших в «Свод законов» 1680 г., ни разу не употребляется слово «колония». В 1948 г. аргентинская Академия истории по предложению Левене рекомендовала называть определенный этап истории Аргентины и других стран Латинской Америки не «колониальным периодом», а «периодом испанского господства». Однако законодательство колониальной державы никогда не отражало подлинной жизни колоний. Крупнейший аргентинский социолог и философ Хосе Инхениерос писал: читая труды испанского законоведа XVII в. Солорсано Перейры «Индийское право» и «Индийская политика» или «Свод законов», провозглашенный при Карле II, «приходишь к мысли, что Испанская Индия имела самую мудрую политическую администрацию, которую только можно представить для XVI и XVII вв. Рядом же с этой *бумажной историей*, которая столь радует юристов, существует другая, состоящая из *реальных фактов*; достаточно открыть любую из ее страниц, чтобы опечалиться из-за разлада между ними. Никогда не было более обширного законодательства и меньшего его выполнения»⁷.

Аргентинским апологетами колониализма активно вторят испанские историки консервативно-клерикального направления. Так, Х. Гарсия Меркадаль пишет, что Испания облагодетельствовала свои колонии, принесла туда католическую религию и процветание⁸, а К. Санчес Альборнос утверждает, что «перенесение западной цивилизации к первобытным народам Америки... является самым крупным деянием в новой истории»⁹. Дальше многих других в апологетике колониализма пошел мексиканский историк Карлос Перейра, долгие годы проживший в Испании. Кроме многочисленных общих работ по истории стран Латинской Америки, он выступил с объемистой книгой «Деяния Испании в Америке»¹⁰. Восхваляя испанские колониальные порядки и стремясь снять с колонизаторов ответственность за жестокие формы эксплуатации индейцев, Перейра пишет: «Все страдания, которые выносили индейцы уже после (завоевания. — А. Ш.), были делом не конкисты, а новой организации, в составе которой уравнивались белые и метисы»¹¹. Касаясь положения земледельцев и рабочих на рудниках Испанской Америки, Карлос Перейра заявляет: «Рабочий рудников Мексики не мог ничему позавидовать в Европе. Даже земледelec, находившийся в худших условиях, чем шахтер, оказывался значительно меньше обременен бедами, чем крестьянин Европы. Он был существом примитивным, но он не был прусским, английским или русским парием»¹².

Достойный отпор фальсификаторским построениям апологетов испанского колониализма дают аргентинские историки-марксисты, выступившие в послевоенные годы с рядом крупных работ. В этих монографиях исследуются узловые моменты истории Аргентины, глубоко анализируются проблемы колониальной эпохи на Ла-Плате, Майской революции 1810 г., войны за независимость, «каудильизма», диктатуры Росаса и, конечно, проблемы новейшей истории страны. Важнейшие вопросы колониальной истории Аргентины и ее борьбы за независимость рассматриваются в работах Б. Марианетти, Л. Пасо, Д. Феррера и М. К. Ломбарди, Э. П. Агости, Л. Пасо и Ф. Надры¹³.

⁵ См., например, R. L e v e n e. Historia del derecho argentino, t. I—VIII. Buenos Aires, 1945—1955.

⁶ R. L e v e n e. Las Indias no eran colonias. Buenos Aires, 1951.

⁷ J. I n g e n i e r o s. La evolución de las ideas argentinas, t. I. Buenos Aires, 1951, p. 33.

⁸ J. G a r c i a M e r c a d a l. Lo que España llevó a América. Madrid, 1959, p. 186.

⁹ C. S a n c h e s A l b o r n o s. España, un enigma histórico, t. II. Buenos Aires, 1956, p. 94.

¹⁰ C. P e r e y r a. La obra de España en América. Madrid, 1930.

¹¹ Ibid., p. 301.

¹² Ibid., p. 130—131.

¹³ B. M a r i a n e t t i, L. P a s o, D. F e r r e r, M. C. L o m b a r d i. Argentina. 1816. Buenos Aires, 1966; H. P. A g o s t i. Nación y cultura. Buenos Aires, 1959; L. P a s o. De la colonia a la independencia nacional. Buenos Aires, 1962; e r o ж e. Los caudillos y la organización nacional. Buenos Aires, 1965; e r o ж e. Historia de la diplomacia de Mayo. Buenos Aires, 1969; F. N a d r a. La herencia libertadora y pacifista de San Martín. Buenos Aires, 1950; e r o ж e. 9 de Julio: ayer y hoy. Buenos Aires, 1966.

Многочисленные труды этих и других прогрессивных историков и экономистов вносят серьезный вклад в марксистско-ленинскую разработку наиболее важных проблем аргентинской истории.

* * *

Внутреннее развитие Испании эпохи завоевания и колонизации Америки определялось противоборством двух основных общественных сил: феодалов-землевладельцев и развивавшейся в городах буржуазии. Крушнейшим социальным взрывом в этом противоборстве стало восстание кастильских городов в 1520 г., вошедшее в историю как «восстание кастильских коммунаров». Оно вспыхнуло, когда в Испании все более консолидировалась абсолютная монархия. «Это было время, — писал К. Маркс, — когда Васко Нуньес Балбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Вот тогда-то исчезли испанские вольности под звон мечей, в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции»¹⁴.

После упорной борьбы войска восставших городов были разбиты при Вильяларе 23 апреля 1521 г. королевской регулярной армией, поддержанной феодальными сеньорами. Буржуазному развитию в Испании был нанесен сильнейший удар. Последствия его сказались не только в самой Испании, но повлияли и на судьбы ее заморских владений; дальнейшее их завоевание и колонизация перешли в руки кастильской знати. Именно в это время конкретно ставится вопрос о завоевании Ла-Платы. Колонизация ее осуществлялась под руководством представителей испанской феодальной знати. В 1534 г. в Толедо Карлом V и богатым вельможей Педро де Мендосой были подписаны «Капитуляции» относительно военной экспедиции на Ла-Плату. «Капитуляции» представляли собою своеобразное двустороннее соглашение испанской короны и завоевателя Ла-Платы о взаимных правах и обязательствах. Основные положения этого контракта были таковы: расходы по экспедиции брал на себя Мендоса, он получал от короля титул аделантадо и назначался губернатором, генерал-капитаном и главным альгвасилом «земель, провинций и народов так называемой реки Ла-Платы»¹⁵. Все эти титулы и посты Мендоса получал пожизненно и имел право передачи их по наследству. В его руках сосредоточивалась политическая, военная и судебная власть.

Права, полученные Мендосой, распространялись на обширную территорию: на востоке она ограничивалась демаркационной линией, установленной Тордесильясским договором; на севере — 25° южной широты и на юге — Магеллановым проливом; на западе граница шла 200 лиг по Тихоокеанскому побережью (1 лига — примерно 5,5 км). В этих пределах Мендоса мог открывать и завоевывать земли, закладывать города и строить крепости, чеканить собственную монету, а также распределять между конкистадорами землю и закреплять за ними живших на ней индейцев. В контракте предусматривалось также, что аделантадо Мендоса получит от короля пожалование определенной части земель и 10 тыс. вассалов; пятая часть всего добываемого должна идти королю.

Полученный Мендосой титул аделантадо возник еще во время испанской реконкисты против арабов. Титул аделантадо жаловался королями грандам, которым поручалось организовать на свой счет военные отряды для изгнания мавров. Аделантадо становились полновластными правителями отвоеванных территорий. Следует отметить, что для самой Испании времен колонизации Ла-Платы обладание правами и привилегиями феодального характера, которые получил Мендоса в качестве аделантадо, было уже далеким прошлым.

Тот факт, что в открытии и завоевании новых земель преобладающую роль играла частная инициатива, что мореплаватели и конкистадоры действовали на свой счет, страх и риск, наложил сильнейший отпечаток на последующее развитие испанских колоний.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 431.

¹⁵ «Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las antiguas posesiones españolas en América y Oceanía», t. XXII. Madrid, 1874. p. 352.

Это сказалось прежде всего на их социально-экономическом устройстве. Многие колониальные институты в дальнейшем находили свое обоснование в «капитуляциях», подписываемых испанскими монархами с руководителями экспедиций. «Капитуляции» несли в колонии пережитки сеньориального права, привилегии феодального характера, партикуляризм, уже преодоленные или преодолевавшиеся в самой Испании. Эти черты проявлялись не только в дальнейшем развитии колонии, но даже и после достижения независимости.

Из других кастильских институтов, перенесенных в Америку, особый интерес представляет муниципальная система управления. За образец была взята централистская испанская муниципия XVI в. с ее «формальной свободой и жалкой автономией»¹⁶. Однако колониальная действительность во многом изменила ее. Если в Испании муниципии управлялись королевскими чиновниками (часто занимавшими этот пост пожизненно), милиция была централизована, финансы зависели от короны, то совсем иное положение складывалось на Ла-Плате. Так, в 1573 г. при основании на берегах Ла-Платы г. Санта-Фе было установлено, что город будет управляться двумя алькальдами и семью муниципальными советниками — рехидорами, которые ежегодно избирались уходящим муниципалитетом из числа жителей «коммуны» — «как им бог на душу положит»¹⁷. Так же было и при основании других городов, например Кордобы.

Но такое положение продолжалось недолго. Постепенно стала вводиться система продажи постов рехидоров. Муниципалитеты (кабильдо), особенно в наиболее важных городах, оказывались в руках олигархии, защищавшей интересы испанских властей и землевладельцев. Во время борьбы за национальное освобождение от испанского колониального господства кабильдо превратились в оплот испанской колониальной реакции; в этот период особенно сильными оказались позиции реакционеров в кабильдо Буэнос-Айреса, Монтевидео и некоторых других городов.

При сложных обстоятельствах (например, в первом десятилетии XIX в. — в начале войны за независимость колоний) по требованию населения городов созывались открытые сессии кабильдо (кабильдо абьерто). В них участвовали более широкие круги населения города. Эти сессии иногда принимали решения первостепенного значения — отстранение вице-короля от исполнения его функций, образование местной народной милиции и т. п. На протяжении всего колониального периода в деятельности кабильдо боролись две тенденции: реакционная и прогрессивная. Носителями первой были прежде всего испанские купцы-монополисты, затем рабовладельцы, феодалы-помещики; выразителями второй — представители креольских купцов, скотоводов, земледельцев и городских низов. Прогрессивной тенденции удавалось одерживать победу лишь тогда, когда в дело вмешивались демократические элементы города, например во время открытых сессий.

Рассматривая вопрос о перенесении испанских институтов в Америку, нельзя ограничиваться изучением лишь колониальной системы управления. Социальная организация, производственные отношения, вопрос о земле, система эксплуатации покоренного индейского населения — вот что является важнейшей стороной проблемы.

В то время, как в Испании в рассматриваемую эпоху борьба крепостных крестьян за свое освобождение одерживала победу, на Ла-Плате метрополия стремилась насадить феодально-крепостнические формы эксплуатации индейцев¹⁸. Эксплуатация покоренного испанцами населения базировалась на внеэкономическом принуждении к труду. Она шла по трем линиям: со стороны испанской короны — через редукции; со стороны конкистадоров и их потомков — через энкомьенды; со стороны иезуитских и других конгрегаций — через миссии.

Редукциями назывались созданные колониальными властями индейские поселения, которые управлялись королевскими чиновниками. Индейцы редуций обязаны были платить подати; кроме того, они должны были нести принудительную трудовую повинность — миту: индейцев отрывали от семей, отправляя за сотни километров от их

¹⁶ J. M. R o s a. Del municipio indiano a la provincia argentina (1580—1852). *Formación social y política de las provincias argentinas*. Madrid, 1958, p. 14.

¹⁷ Ibid., p. 16

¹⁸ См. М. С. А л ь п е р о в и ч. О характере и формах эксплуатации индейцев в американских колониях Испании (XVI—XVIII века). — «Новая и новейшая история», 1957, № 2.

родных поселений в Верхнее Перу или Чили и держали в рудниках до тех пор, пока они, изнуренные непосильным трудом, плохим питанием и дурным обращением, не погибали.

Энкомьенда являлась специфической для американских колоний Испании системой закрепощения непосредственных производителей. Еще в «Капитуляциях», подписанных Карлом V и Мендосой, устанавливалось обязательство конкистадоров распределять между поселенцами земли и «поручать их заботам» (*encomender*) живших на них индейцев. Таким образом, в первом же документе испанской короны, относящемся непосредственно к колонизации Ла-Платы, предусматривалось распространение на эту область системы энкомьенд. На Ла-Плате эта система, носившая явно феодально-крепостнический характер, с самого начала покоилась на принуждении индейцев к несению личных повинностей.

В Буэнос-Айресе, Санта-Фе, Коррьентесе, Бермехо и на примыкавших к ним землях к 1622 г. на 546 дворов поселенцев-испанцев приходилось 4899 энкомендированных индейцев¹⁹. К 1673 г. их осталось здесь всего лишь 887 человек, т. е. их число сократилось более чем в пять раз²⁰. В еще больших масштабах пагубный характер энкомьенды проявился в губернаторствах Тукуман и Куйо. Здесь эта система эксплуатации повлекла за собой смерть многих десятков тысяч индейцев. В одном лишь Тукумане и его окрестностях в 1607 г. было 24 тыс. энкомендированных индейцев; к 1671 г. их осталось только 2200 человек²¹. Таким образом, коренное население на территории будущего вице-королевства по существу полностью истреблялось.

Католическая церковь, прежде всего орден иезуитов, использовала труд индейцев, согнанных для работы в иезуитские миссии.

В XVII в. все заметнее становился процесс перехода от несения индейцами личной повинности в пользу помещиков к уплате податей сначала в натуральной, а затем в денежной форме. Чтобы подать была внесена деньгами, индейцев заставляли добывать их, нанимаясь на работу. В свою очередь, чтобы задержать эту рабочую силу в своем поместье, помещики предоставляли батракам-индейцам клочок земли. «Законным» средством закабаления рабочих стали авансирования деньгами и товарами. В результате длительного процесса индейцы, оказавшиеся при помощи всевозможных авансов и ссуд в полной зависимости от помещиков, превратились в «пеонов», т. е. в долговых рабов, часто работавших на помещиков лишь за кусок хлеба.

Что касается рабства, то оно получило значительное распространение только в провинции Тукуман. Здесь применялся труд негров-рабов на хлопковых плантациях. В Буэнос-Айресе рабство, как правило, выражалось в домашнем услужении негров-рабов. Часть рабов работала в ремесленных мастерских. Энкомьенда, мита, неонаж и рабство — таковы установленные Испанией на Ла-Плате формы эксплуатации.

Исключительно важное значение имел вопрос о земле, о том, кто ею владеет. Это была коренная проблема развития Ла-Платы в колониальную эпоху; она не потеряла своего значения в аргентинской действительности вплоть до наших дней. В эпоху конкисты все вновь открытые земли объявлялись собственностью испанской короны; таковой они оставались вплоть до войны за независимость и образования самостоятельного аргентинского государства. «Свободных» земель, которые мог бы занять любой колонист, на Ла-Плате никогда не было. Формально все земли считались королевскими, однако практически большая их часть и лучшие из них были захвачены завоевателями. Юридическое право на владение землей приобретал лишь тот, кто получал землю от короля в качестве пожалования за особые заслуги в деле завоевания страны. По поручению короля распределение земли иногда могло быть произведено также его представителями на местах, например губернаторами провинций. На первых порах такие распределения происходили при основании городов (Асунсьона, Тукумана, Мендосы, Буэнос-Айреса и др.).

При основании городов земельные пожалования (в городе и за его пределами) получали все поселенцы; однако наделы, выделяемые «людям с заслугами» («кабальерии»),

¹⁹ J. T o r r e R e v e l l o. Los gobernadores du Buenos Aires (1616—1777). — «Historia de la Nación Argentina», t. III. Buenos Aires, 1939, p. 332.

²⁰ J. T o r r e R e v e l l o. Sociedad colonial. Las clases sociales. La ciudad y campaña. — «Historia de la Nación Argentina», t. IV, sección I. Buenos Aires, 1940, p. 362.

²¹ M. L i z o n d o B o r d a. El Tucuman de los siglos XVII y XVIII. — «Historia de la Nación Argentina», t. III, p. 280, 287.

в пять раз превосходили наделы простых поселенцев («пеонии») ²². И те и другие должны были освоить выделенные им земли: на городском участке построить дом, за пределами города заселять и обрабатывать земли (эстансии). Прекращение обработки земли вело к потере собственности на нее; такая земля передавалась в собственность другому поселенцу, который обязывался обрабатывать ее.

Что касается пожалования энкомьенд, т. е. права использования труда индейцев, то их получали лишь лица, занимавшие высокое положение. Поэтому собственники, владевшие землями, но не располагавшие рабочими руками индейцев, постепенно утрачивали свои земли, так как их некому было обрабатывать. Земли обедневших поселенцев возвращались казне или, что бывало чаще, попадали в руки разбогатевших хозяев-энкомьендерос. Так, например, уже через четыре года после основания Буэнос-Айреса один из поселенцев, Аугустин де Саласар, заключил сделку с другим поселенцем — Педро Мораном, по которой продавал ему землю, полученную под постройку дома в городе, а вне города — земельные участки, предназначенные для эстансии и фермы. Взамен продаваемой земли Саласар получал поношенный суконный плащ, подержанную кожаную куртку, несколько новых штанов и жилетку ²³. Эта сделка совершенно определенно свидетельствует о бедности продававшего землю. Скупая за бесценок земли обедневших поселенцев, состоятельные энкомьендерос постепенно монополизировали землю, создавали латифундии.

Собственность на землю возникала также, как указывалось выше, из непосредственных королевских пожалований земли конкистадорам и их потомкам. Именно королевские пожалования были первоначальным и основным путем, которым королевское достояние, или государственная собственность, превращалось в частную собственность. И в первом и во втором случае земли лишались индейцы. В первоначальных королевских пожалованиях и в распределении земель при основании городов берет свое начало латифундизм. Проф. Манфред Коссок (ГДР), исследовав досконально этот вопрос, с полным основанием приходит к выводу, что «с самого начала конкисты колониальное законодательство решительно способствовало консолидации феодального латифундизма» ²⁴.

В дальнейшем корона в целях пополнения своей казны разрешила продажу государственной земли и ввела систему так называемой композиции, т. е. упорядочения. Композиция сводилась к следующему: если кто-либо фактически владел землей более 10 лет, но его права на эту землю не были законно оформлены, он должен был внести в казну определенную сумму денег (в зависимости от размеров и качества земли) и получить соответствующий документ, дающий ему права на эту землю. Вопрос о применении композиции специально рассматривался в королевской инструкции 1754 г. При помощи композиции оформлялись также права на так называемые пустующие или заброшенные земли, с которых сгонялись занимавшие их свободные земледельцы, не располагавшие документами о праве на них. Ко второй половине XVII в. композиция, по свидетельству крупнейшего испанского законоведа того времени Солорсано Перейры, «являлась тем, что ныне более всего практикуется» ²⁵. Так возникала на Ла-Плате земельная собственность, на основе которой развивался латифундизм.

Росту латифундизма способствовал также следующий фактор: создававшиеся в городах олигархические группы постепенно завладевали землями внутри и вне поселений, используя находившиеся в их руках муниципалитеты. Последние требовали от свободных мелких земледельцев представления дарственных актов или других документов, подтверждавших их права на землю; при их отсутствии участки отнимались и передавались представителям олигархии.

Поселенцы-колонисты, обосновавшиеся на Ла-Плате уже после основания городов, оказывались в трудном положении. Если такой колонист не располагал крупными денежными средствами для композиции, он не мог приобрести землю, особенно на близком расстоянии от городов, где участки были распределены среди первых поселенцев.

²² R. L e v e n e.} Investigaciones acerca de la historia económica del virreinato del Plata. Buenos Aires, 1952, p. 121.

²³ Ibid., p. 194.

²⁴ M. K o s s o k. El virreinato del Rio de la Plata. Su estructura económica-social. Buenos Aires, 1959, p. 98.

²⁵ J. V. G o n z a l e s. Historia argentina, t. I. Buenos Aires, 1957, p. 99.

Те же немногочисленные колонисты, которые все-таки поселялись на Ла-Плате, вынуждены были делать это вблизи границ с индейскими племенами. Однако и здесь положение малоимущего независимого земледельца, самостоятельно обрабатывавшего землю, не было прочным; его поселение на этих землях считалось незаконным, а собственность на нее была необеспеченной. Такие колонисты оказывались лицом к лицу с ловкими и влиятельными богачами, которые захватывали их земли, делая на них заявку перед властями как на королевские. Бедняк-земледелец не мог прочно обосноваться на земле, не мог получить на нее прав, так как корона не допускала нового распределения земель, после изгнания с земли с ним повторялось все сначала: лишенный имущества, он продвигался к линии границы в поисках свободной земли, на которой можно было бы создать свой очаг и найти убежище, устав от бродяжничества по эстансиям и сытый по горло нищенской жизнью ²⁶.

Для плебея, человека незначительного происхождения или не имеющего «приличного» состояния, собственность на землю в течение всего колониального периода была роскошью. Феликс де Асара, выдающийся испанский ученый, проживший в конце XVIII в. на Ла-Плате около 20 лет, сурово критиковал систему земельных пожалований, считая ее главной причиной развития латифундизма; он указывал, что нельзя найти такого примера, чтобы кто-либо получил пожалование, не обладая десятком тысяч скота или крупной суммой денег ²⁷.

Мексиканский историк С. Савала считает, что происхождение поместья (асьенды) следует искать «в пределах нормальной системы земельной собственности, которая явилась следствием непосредственных пожалований земель», и что энкомьенды не могли быть прямым предшественником современных асьенд в связи с тем, что «понятие энкомьенды не включает понятия абсолютной собственности» ²⁸. Подобную же позицию занимает испанский историк Х. М. Отс Капдеки ²⁹. С точки зрения юридической это положение не вызывает возражений. Однако историческое развитие колоний говорит о другом. Возникновение латифундизма уходит своими корнями как в королевские пожалования, так (хотя и в несравненно меньшей степени) и в энкомьенды. При освоении, например, Кордобы и других городов внутренних провинций Аргентины испанские поселенцы получили в энкомьенду целые поселения индейцев ³⁰. Массовое вымирание индейцев, вытеснение с лучших земель оставшихся в живых и постепенное их превращение в пеонов неизбежно вели к захвату земель индейцев хозяевами энкомьенд. Такой процесс происходил повсеместно.

При вторичной закладке Буэнос-Айреса в 1580 г. его основатель Хуан де Гарай распределил между первыми 60 поселенцами приблизительно 90 тыс. *са* земли ³¹. Таким образом, Буэнос-Айрес появился на свет божий уже охваченный «железным поясом» латифундий, процесс распада которых не закончился вплоть до наших дней. К середине XVIII в. площадь буэнос-айресских поместий-эстансий достигала 28 тыс. *ка. км.* Согласно цензу 1744 г. из 6083 жителей сельской местности лишь 186 являлись собственниками-эстансьерос, а из 10 223 жителей Буэнос-Айреса собственниками были лишь 141. Таким образом, из 16 306 жителей Буэнос-Айреса и входящей в его юрисдикцию сельской местности лишь 327 человек являлись собственниками ³².

Особенно быстро стал развиваться латифундизм после введения композиции. Это не укрылось от внимания представителей самых различных кругов испанского и креольского общества. Так, вице-король Ла-Платы Авилес в официальном докладе испанскому правительству без обиняков осуждал некоторых помещиков за их стремление «до-

²⁶ J. A. G a r c i a. La ciudad indiana. Buenos Aires desde 1600 hasta mediados del siglo XVIII. Buenos Aires, 1954, p. 216.

²⁷ F. de A z a r a. Memorias sobre el estado rural del Rio de la Plata en 1801. Madrid, 1847, p. 15.

²⁸ S. Z a v a l a. New Viewpoints of the Spanish Colonization of America. Philadelphia, 1943, p. 80.

²⁹ J. M. O t s C a p d e q u i. España en America. El régimen de la tierras en la época colonial. México — Buenos Aires, 1959, p. 97, 139.

³⁰ J. V. G o n z a l e z. Op. cit., p. 101.

³¹ F. W e i n b e r g. Juan Hipólito Viéytes, precursor y procer de Mayo. — J. H. V i e y t e s. Antecedentes económicos de la Revolución de Mayo. Buenos Aires, 1956, p. 77.

³² J. V. G o n z a l e s. Op. cit., p. 101—102; J. A. G a r c i a. Op. cit., p. 24—25.

бесконечности расширять свои владения»³³, захватывая самые плодородные земли. Мигель Ластарриа, секретарь Авилеса, оставивший весьма интересные записки о Ла-Плате, утверждал, что имеются помещики-асендадо, владеющие более чем 50 кв. лигami земли (1 кв. лига — приблизительно 30 кв. км), которую они скупили по бросовым ценам³⁴. Асара в своих трудах указывал, что композиция позволяет богачам скупать огромные пространства земли, что ведет к росту латифундизма, с одной стороны, и нищенству — с другой³⁵. Диего де Альвеар, образованный испанский морской офицер и географ, принимавший участие в проведении демаркационных работ на испано-бразильской границе в конце XVIII в., писал, что на восток от р. Уругвай земельные владения помещиков Буэнос-Айреса и Монтевидео достигают, как правило, 4—6 кв. лиг, а иногда и 15 и 20 кв. лиг. Наконец, в «представлении», направленном в 1783 г. крупным испанским чиновником Хуаном Сагаста интенданту Буэнос-Айреса, приводились данные о том, что на Ла-Плате имеются эстансии, занимающие площадь в 24, 54, 96 и даже 216 кв. лиг³⁶ (6500 кв. км).

Процессы, происходившие в провинции Буэнос-Айрес, с некоторыми вариациями имели место также в прибрежных областях Санта-Фе и Коррьентес. Уже после основания главных городов на побережье рек Параны и Ла-Платы завоеватели и колонизаторы в течение 200 лет вели кровавую и беспощадную войну против индейцев, живущих в лесах между реками. Эти войны привели к почти полному уничтожению индейских племен и захвату и разделу их земель колонизаторами. Как и в Буэнос-Айресе, Гарай при основании Санта-Фе распределял земли среди поселенцев; он жаловал не только участки для эстансий, но даже целые крупные острова; при этом он не забыл и себя и своих наследников, выделяя для этой цели «куски земли», острова и другие земельные угодья. После смерти Гарая его наследникам осталось более 600 кв. лиг земли. Зять Гарая, Эрнандариас, трижды бывший в последующее время губернатором Буэнос-Айреса, присоединил к своим владениям соответствующую часть наследства Гарая и значительно увеличил свои богатства при помощи различных сделок, скупки и простого захвата земель. После своей смерти Эрнандариас оставил огромные богатства в виде латифундий, охватывавших 1 тыс. кв. лиг, скотоводческих хозяйств, насчитывавших сотни тысяч голов скота³⁷. В провинции Энтре-Риос крупнейшим собственником земли был орден иезуитов. К 1767 г., когда иезуиты были изгнаны из вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, ордену принадлежало 1200 кв. лиг земли (около 36 тыс. кв. км) из имевшихся в провинции 2800 кв. лиг, т. е. около половины всей земли. Если учесть, что у двух частных лиц — Франсиско де Ларраменди и Антонио де Вера-и-Мухика — имелось в этой провинции по 500 кв. лиг земли, то получится, что всего лишь трем собственникам, т. е. ордену иезуитов и двум названным лицам, принадлежали три четверти всей земли провинции³⁸.

В крупнейших центрах внутренних областей страны — Сальте и Кордобе — положение характеризовалось, как и в прибрежных областях, той же монополией на землю узких олигархических групп. Так, например, в провинции Кордоба «наследникам первоначальной касты вассалов» принадлежало ко времени образования аргентинских федеральных провинций 200 тыс. кв. км земли³⁹. В области Куйо положение было несколько иным: в Мендосе и Сан-Хуане латифундизм не получил большого развития, там преобладали мелкие собственники. Что касается третьей провинции, входившей в состав этой области, — Сан-Луиса, то здесь, по словам Хуана В. Геса, написавшего историю этой провинции, «одна третья часть юрисдикции тогдашнего Сан-Луиса была пожалована лишь одному лицу, а остальное распределено еще между 12 или 14 лицами, являвшимися феодальными сеньорами столь обширных владений»⁴⁰.

³³ J. V. G o n z a l e s. Op. cit., p. 103.

³⁴ M. L a s t a r r i a. Colonias orientales del Rio Paraguay o de la Plata. Buenos Aires, 1914, p. 245.

³⁵ F. d e A z a r a. Op. cit., p. 16—17.

³⁶ R. L e v e n e. Investigaciones, t. II, p. 111; J. V. G o n z a l e s. Op. cit., p. 103.

³⁷ J. O d d o n e. La burguesia terrateniente argentina. Buenos Aires, 1967, p. 196, 200; J. V. G o n z a l e z. Op. cit., p. 106.

³⁸ J. O d d o n e. Op. cit., p. 204—205.

³⁹ J. V. G o n z a l e z. Op. cit., p. 116.

⁴⁰ Цит. по: J. V. G o n z a l e z. Op. cit., p. 117.

Исследование аграрного вопроса приводит к выводу о том, что аккумулятивное накопление пространств земли в руках немногих началось с первых же дней конквисты. Земля приобреталась при помощи распределения при основании городов, в силу королевских пожалований, частично через энкомьенды, а затем при помощи композиции, дававшей возможность за бесценок скупать так называемые пустующие, брошенные земли. Как в прибрежных, так и во внутренних областях страны феодальные формы землевладения, латифундизм, сосредоточение огромных земельных пространств в руках немногих получили широкое распространение. Этому явлению сопутствовал процесс ограбления и уничтожения индейских общин, пауперизация мелких свободных земледельцев и арендаторов. Латифундизм обусловил слабый приток новых поселенцев; результатом этого было ничтожное развитие земледелия в прибрежных провинциях.

Перенесение испанских институтов на Ла-Плату, как и в другие колонии Америки, привело к тому, что установившаяся организация колонии «была построена на феодальной основе»⁴¹. Однако ей были присущи некоторые особенности: если землевладение, насаждавшееся колонизаторами, носило ярко выраженный феодальный характер, то индейцы не были превращены в крепостных тем путем, как это происходило в европейских странах. В Европе процесс закрепощения длился многие века, в Америке Испания пыталась насадить феодально-крепостнические отношения чуть ли не единовременным актом.

В Америке развитие экономики покоилось на беспощадной эксплуатации индейцев — вначале при помощи системы энкомьенд, позже — системы долговых обязательств и пеонажа. Политика короны и колониальная практика сковывали развитие производительных сил, стимулировали борьбу против колонизаторов, которую вело индейское население в течение всего колониального периода.

Захватив огромные земли в Америке и установив на них колониальный порядок, Испания ввела в экономику американских стран новые виды сельскохозяйственных культур, неизвестных здесь домашних животных (прежде всего лошадей и крупный рогатый скот). С этой точки зрения нельзя отрицать, что испанская колонизация была шагом вперед по сравнению с прежними условиями жизни и труда местного населения. Но абсолютно неверны утверждения клерикально-консервативных авторов, что феодально-абсолютистская Испания «облагодетельствовала» народы Америки и принесла им цивилизацию и благополучие.

Главной задачей испанского колониального господства на Ла-Плате были захват земель и других богатств местного коренного населения и его жесточайшая эксплуатация; целям ограбления всего населения колонии служили введенная с первых дней открытия Америки торговая монополия, всеохватывающая система обложений, экономические и другие ограничения. Для осуществления своих целей испанская корона с самого начала завоевания пыталась внедрить на Ла-Плате, как и в других своих колониях в Америке, феодальную систему отношений. Насколько ей удалось это сделать — это уже другой вопрос. Более того, в то время как в западноевропейских передовых странах (Нидерланды, Англия, Франция) все большее развитие получали элементы капиталистических отношений, испанский абсолютизм в битве при Вильяларе пресек на долгое время подобное развитие в Испании и в крупных размерах насаждал на Ла-Плате латифундизм, энкомьенды и даже те нормы феодального характера, которые в самой Испании давно уже отжили свой век. Это относится и к организации управления и, в еще большей степени, к социальным отношениям.

Итак, идеализация консервативно-клерикальной литературой испанских учреждений и порядков на Ла-Плате в XVI—XVIII вв. явно несостоятельна. Только подход к их изучению с позиций марксистско-ленинской методологии позволяет вскрыть роль этих учреждений и институтов на разных этапах колониального периода истории Латинской Америки и установить причины, породившие борьбу за независимость американских колоний Испании.

⁴¹ L. P a s o. De la colonia a la independencia nacional, p. 46.